

«PRO Турандот»

«Школа для дураков»

«Садоводы»

«Иваны»

ко важным и престижным, что им трудно было не заразиться.

И что вам нравилось в театре тех времен? Неужели БДТ Товстоногова?

Товстоногов, Владимиров. Страшно возбуждал едва появившийся тогда Васильев. Спектакли Фоменко в Театре комедии. Конечно, было ощущение, что этот театр отживает последние дни. Хотелось какого-то протестного высказывания.

Тогда его адрес был понятен. А сегодня — против чего и за что бороться?

Протест остается, просто он принял форму внутреннего диссидентства. Раньше он был скорее политический, сейчас более эстетический. В какой-то момент мы исключили из лексикона слова «политический» и «социум». Убеждали себя, что занимаемся чистым искусством, что мы приверженцы Набокова, охраняющие «суверенные границы искусства» от посягательства политики, истории, философии. Но в какой-то момент это тоже исчерпалось. В любой исторический момент художник может найти в себе протестные ноты, которые позволяют ему двигаться дальше. Сильной мотивацией могут оказаться политические события. Ну вот «Бориса Годунова» в Польше я поставил исключительно

(«Я БУДУ ЗАКРУЧИВАТЬ СИТУАЦИЮ ТАК, ЧТО ОНА СТАНЕТ ДЛЯ МЕНЯ НЕВЫНОСИМОЙ»)

из политических соображений...

...с Кремлем, построенным на нефтяных бочках...

Да. И при том, что мне хотелось сделать что-то очень универсальное, мотивация была только социальная — я впервые занялся таким явно политическим театром. Как это ни странно, но политическим протестом был даже «PRO Турандот» (самый популярный и кассовый спектакль Могучего. — Ъ).

Это ведь расхожее мнение: Могучий раньше был авангардистом, а сейчас обуржуазился.

Так это в какой-то степени справедливо. Трудно ходить в золотой маске, скажу вам. Неплохо уже то, что я это понимаю. Поэтому сейчас и делается фестиваль — чтобы соскрести все мешающее золото.

Вы говорили, что главное для вас в актере — способность к обнулению. А как насчет себя?

Я бы очень хотел обладать такой способностью. Тарковский говорил: незачем

браться за новый фильм, если он не является поступком. Этот самый поступок и есть момент обнуления: опровержение самого себя. Тяжелое, вызывающее сопротивление. Иногда оно кажется со стороны не тем, что на самом деле. Для кого-то уход в труппу академического театра — очень буржуазный поступок, а для меня это был совершенно авангардистский театр. Это было очень непростое, но нужное решение: в том, что было у меня до этого, я не смог бы больше жить и работать, я не был бы продуктивен. Нужно было прыгнуть в неизведанное и опровергнуть все, чем занимался раньше.

А сегодня нет желания выпрыгнуть из академического театра куда-то еще?

Это понимание не возникает принудительно. Я еще по молодости понял: если у меня заранее есть билет, то в театр я не пойду. И в какой-то момент я перестал покупать билеты — только «стрелял». Только уповать на судьбу и на собственную энергию.

Она вам очень пригодится в МХТ. Вы же, кажется, для Табакова будете ставить?

Может быть, если я еще на это соглашусь. Для меня это приключение. Я буду настаивать на условиях, которые еще более обострят и без того непростую ситуацию. И для меня, и для Табакова. Не знаю, пойдет ли он на это. Я буду закручивать ситуацию так, что она станет для меня невыносимой.

Что для вас не просто невыносимо, но невозможно?

Я совершенно не умею заниматься интерпретацией классики — тем, чем занимается Кирилл Серебренников. Этой его телеги я совершенно не понимаю. Я обречен заниматься другими вещами. Я не могу брать классические тексты и перепackовывать их. Когда я работаю, скажем, над «Петербургом» Белого, мне не кажется уместным вырядить Аблеухова в депутатский костюм. У меня энергия идет на создание из прозы авторского спектакля, самодостаточного мира. Герои и произведение не переносятся во времени или пространстве, а создают его сами.

Расписание фестиваля на странице 40